

«Дом, построенный на камне» архитектора Д. И. Фримма

И. С. Деева

Проповедь о Царстве Небесном, об исполнении воли Отца Его Небесного Иисус закончил такими словами: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 24–27).

«Русская Помпея» – так называли древний Херсонес, средневековый Херсон, упоминаемый в русских летописях под именем Корсуни.

Эти названия, как и народы, жившие в Причерноморье, давно уже стали достоянием истории, и мало кто знает древние их имена. Но одно из них сохранилось до наших дней, – Древняя Таврика или Таврида, Таврический полуостров, к которому примыкает мыс Гераклейский.

Современное название «Крым» стало использоваться только после XVIII века. «Кбырым» – так назывался город, построенный ордынцами на полуострове после захвата ими Северного Причерноморья. Он являлся резиденцией наместника хана Золотой Орды. Видимо, со временем название города распространилось и на весь полуостров.

Возможно, что название «Крым» произошло и от Перекопского перешейка – русское слово «перекоп» – это перевод тюркского слова «girim», который означает «ров».

С XV века Крымский полуостров назывался Таврией, а с 1783 года – Тавридой.

15 июня 1771 года армия генерала Василия Михайловича Долгорукова захватила ворота Крыма и устремилась через узкую горловину на просторы полуострова. И больше Россия из Крыма не уходила. Сначала ханство было объявлено независимым от Турции, «под защитой России» (1774), а через

девять лет, в 1783 году, полуостров был присоединен к екатерининской империи.

Новые власти провозгласили, что будут превращать «татарский Крым» в древнюю Тавриду. Все вновь основанные города в «полуденном крае» получили древнегреческие имена. И не только в Крыму, но и в его окрестностях. Так рождались Херсон и Никополь, Севастополь и Симферополь, Одесса и Мариуполь. Даже некоторые старые города получили античные наименования: Кафа стала Феодосией, а Гезелев – Евпаторией.

Интерес к Херсонесу у образованной части русского общества был всегда. Это интерес к древностям Херсонеса и его связи с русской историей. Академия наук уже в конце XVIII века направляла в Крым своих представителей для составления его детального описания. Тогда же были составлены планы древних руин, появились зарисовки художников.

Херсонес Таврический был своеобразной лабораторией: археологов, художников, архитекторов Петербурга. В ней оттачивались новые методы исследований, совершенствовались приемы изучения памятников прошлого, рождались научные школы и направления.

В 988–900 годах там произошли грандиозные по исторической значимости события – русский поход в Таврику, взятие Херсона, крещение в нем князя Владимира Святосла-

вовича, венчание с византийской принцессой Анной.

Святое крещение в Херсонесе связало историю двух государств и, безусловно, навсегда и решительно изменило судьбу Руси, ее быт, культуру, менталитет ее народа, приобщив к великой группе православных стран. Сообщения источников об обстоятельствах крещения Владимира крайне противоречивы. Это по сей день порождает множество споров среди специалистов о дате крещения князя в Херсоне и даже о том, был ли такой факт в действительности.

Талантливые поэты, писатели бываю иногда прозорливее специалистов-историков. Как ни парадоксально, но именно Александр Сергеевич Грибоедов одним из первых высказал во многом интуитивное предположение о связи памятников и топографии западной части Херсонеса с событиями похода киевского князя, за шесть лет до своей трагической гибели в Иране.

Весной 1823 года двадцатидевятилетний Грибоедов на время оставил свою дипломатическую службу, получив длительный отпуск на родину.

Именно тогда он совершил поездку в Крым. Все впечатления, мысли, наблюдения об увиденном занес в так называемый «Крымский дневник», который, по его словам, вел «строго и порядочно».

Из него мы узнаем, что у писателя был замысел создать трагедию из жизни русского народа и вывести

Великий князь киевский
Владимир Святославович.
Реконструкция облика

в ней сложную, колоритную фигуру Владимира. В один из июльских дней, когда к вечеру спал зной, путешественник поехал из Севастополя в сторону Херсонеса и вскоре увидел оборонительные стены, возвышавшиеся на холме. Тогда и родились в дневнике следующие драгоценные памятные строки, за которыми стоит точный и вместе с тем эмоциональный наблюдатель: «...углами многоугольника, к западу, возле Песочной бухты (стена) упирается в море, и тут пролом в части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм... Не здесь ли Владимир построил церковь? Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой... Солнце заходит в море, и черное облако застывает часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов». Увы, эти романтические наброски так и не были реализованы.

Известно, что при своем крещении 27-летний Владимир получил имя Василий. Вероятно, летом или осенью 988 или 989 года Владимир, покидая Херсон, взял с собой Анну Порфирогениту, херсонских священников, особо почитаемые мощи, которые считались принадлежавшими одному из первых христианских мучеников, римскому епископу Клименту и его ученику Фиве, по

преданию обретших смерть в херсонесской ссылке в 101 году.

В обозе везли изрядный груз – тщательно уложенные церковные литургические сосуды и иконы, взятые из Корсунских храмов, и даже памятники искусства – две медные, очевидно, античные статуи («медные капищи») и квадригу медных коней, видимо, античное изваяние колесницы. Поставленные в стольном граде Киеве, у построенной вскоре Десятинной церкви Богородицы, они должны были служить украшением и одновременно памятником в честь русской победы над Византией.

Предание гласит, что Корсунская икона Божьей Матери, хранительницы Руси, была именно тогда вывезена Владимиром из Херсона.

Херсонесское происхождение приписывают знаменитым Корсунским вратам Софийского собора в Новгороде, сохранившимся до наших дней.

Исходной датой начала раскопок с научными целями считается 1827 год, когда по распоряжению просвещенного губернатора Севастополя, начальника Черноморского флота и портов адмирала Алексея Самуиловича Грейга (1775–1845), почетного члена Императорской академии наук, были проведены поиски древних христианских храмов, и в том числе того, где, по преданию, крестился киевский князь Владимир.

В том же году в Херсонесе были раскопаны три средневековых

Адмирал А. С. Грейг

христианских храма. Один из них, имевший в плане вид креста и существовавший, вероятно, с IX–X до XIV века, предположительно определили как место крещения князя Владимира, а во второй половине XIX века над ним был сооружен величественный двухэтажный Владимирский собор, внутри которого сохранили руины средневековой церкви.

Раскопки велись на территории Херсонесского Свято-Владимирского мужского монастыря. Эта обитель быстро стала знаменитой благодаря архиепископу Таврическому и Херсонесскому Иннокентию.

Монастырь имеет хоть и не долгую (всего 74 года с перерывами), но бурную историю. Само основание обители стало событием в православном мире благодаря тому месту, где она была построена. На Руси всегда помнили, что с Херсонесом связаны деяния многих выдающихся проповедников Слова Божия, чтимых не только славянами, но и всем христианским миром.

Память об Андрее Первозванном, Клименте и Мартине, святых епископах, Кирилле и Мефодии и, конечно, о крещении св. Владимира никогда не исчезала.

В процессе раскопок А. С. Грейг предполагал отметить место крещения князя каким-нибудь памятником. Еще в июне 1825 года он обратился к президенту Императорской академии художеств А. Н. Оленину с просьбой порекомендовать среди членов академии «наидостойнейшего», кто мог бы составить проект памятника.

И тогда же Грейг просил авторитетного знатока истории Тавриды И. М. Муравьева-Апостола указать местонахождение храма, где крестился князь Владимир, или хотя бы местонахождение ворот, через которые князь въехал в город.

Но знаток истории ответа на вопрос не ведал. Если об этом и сейчас еще спорят, а тогда и подавно не знали. В распоряжении исследователей были только древние манускрипты, противоречившие друг другу. Византийские источники вообще молчали о крещении Владимира в Херсонесе, как будто воды в рот набрали. Неохотно они упоминали только о взятии города русичами, которых обзывали «тавроскифа-

ми», подчеркивая их «варварскую» сущность.

А в русских летописях и житиях в рассказе о месте крещения Владимира царя удивительная путаница. Хотя не подлежит сомнению, что эта история была написана по горячим следам и явно – очевидцем событий. Но те рукописи, которые дошли до нашего времени, были гораздо более поздними и накопили за столетия переписок и переделок множество искажений и разночтений.

Не получив вразумительного ответа, к какой же исторической точке привязать будущий памятник, адмирал пошел другим путем. Он, видимо, решил установить его в топографически выгодном месте – на возвышенности, чтобы монумент было видно издали.

Что же касается памятника, то в зависимости от суммы, которую удастся собрать, Грейг предполагал построить обелиск, часовню или большой храм.

Собирать деньги предполагалось по всенародной подписке. Строительство храмов на пожертвования было в России широко распространено.

29 октября 1825 года Севастополь посетил император Александр I, и А. С. Грейг, пользуясь случаем, подал царю записку о необходимости начать всенародный сбор пожертвований на строительство храма в честь св. Владимира (адмирал решил просить по максимуму) и «высочайшее соизволение» получил. Император распорядился поручить Академии художеств составить проект памятника в виде красивой церкви и богадельни при ней.

Но история сыграла с идеей сооружения Владимирского храма злую шутку. Первую, но не последнюю в его удивительной истории. Во время пребывания в Крыму император, лечившийся до того в Таганроге от последствий сильной простуды, полученной во время страшного наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 года, снова сильно простудился. Вернувшись из Севастополя в Таганрог, Александр прожил всего 20 дней и скончался 19 ноября 1825 года.

Но, как ни удивительно, об идее увековечения места крещения Владимира не забыли. Видимо, адмирал Грейг не давал забыть.

В 1829 году Академия художеств представила уже Николаю I проекты памятника в Херсонесе, из которых Николай выбрал проект обелиска, выполненный киевским архитектором Беретти. То есть Грейгу удалось «пробить» лишь минимальную версию своей идеи.

С разрешения императора была объявлена всенародная подписка на сооружение монумента, которая длилась три года – до 1832 года. Собрана была колоссальная сумма – 201,5 тысяч рублей ассигнациями и более 8,5 тысяч рублей серебром. Она лежала без движения на счетах Черноморской казначейской экспедиции, расположенной в Николаеве, так как чиновники никак не могли утвердить смету на строительство.

Чтобы представить себе, что такое двести тысяч в ту пору, приведем пример: строительство громадного Константиновского форта, по сей день украшающего вход в Севастопольскую бухту, обошлось казне в полмиллиона рублей.

Итак, сметы не утверждались, а деньги лежали без движения на счетах казначейства.

Время шло. К идее увековечить место крещения князя Владимира вернулся уже новый командующий Черноморским флотом – легендарный адмирал М. П. Лазарев. В сентябре 1836 года, встречаясь с императором в Чембаре (ныне это г. Белинский в Пензенской обл. – И. Д.), адмирал поднял вопрос о судьбе памятника в честь крещения св. Владимира. К тому времени на казначейских счетах лежало уже 350 тысяч рублей ассигнациями, собранных на строительство монумента.

Решили строить не обелиск, а собор. Но не в Херсонесе, а в Севастополе, на самом возвышенном месте, в центре города. Решили и снова отложили дело. Деньги продолжали лежать на счетах, «прокручивались», как сказали бы в наше время.

События разразившейся в 1854–1855 годах Крымской войны с Францией, Англией и Турцией отсрочили задуманное, а через несколько лет после ее окончания вновь было принято решение разделить сумму собранных пожертвований и построить два Владимирских храма.

Один – в центре Севастополя, на горе; другой – в честь 900-летия

крещения Руси – на развалинах Херсонеса, в том месте, где на древней городской площади еще в 1827 году были раскопаны два христианских храма.

О строительстве и судьбе «Храма адмиралов», так называют Севастопольцы Владимирский собор, петербургского архитектора К. А. Тона можно написать еще один рассказ. Важно отметить тот факт, что источником в работе для К. А. Тона послужили исследования византийского зодчества, которые велись в те годы его учеником Д. И. Гриммом.

Идея строительства памятника в Херсонесе, после принятия решения о сооружении собора в Севастополе, была оставлена, но не забыта.

Кровопролитная Крымская война, стоившая нашему народу более чем 150 тысяч жизней, а противнику – более 50 тысяч, закончилась поражением России. Ей запрещалось иметь на Черном море военный флот, она вынуждена была оставить отвоєванные у Турции земли и фактически перестала быть европейской сверхдержавой.

Севастополь, полностью разрушенный, лежал в руинах, и восстанавливать его было не на что, да и незачем, ведь в отсутствие флота его главная база становилась не нужна. Почти 15 лет город не возрождали.

Севастополь лежал в руинах, но в Херсонесе уже с 1857 года начались активные работы по строительству новых зданий для монастыря. Как будто древний город конкурировал с новым.

Когда Севастополь при М. П. Лазареве активно строился, Херсонес пребывал в некотором забвении. А когда город славы лежал в руинах, в городе древнем разворачивалась стройка.

И вот на фоне «строительного бума» в Херсонесе императором было принято решение о возведении здесь Владимирского собора. Это было уже третье решение, и принимал его уже третий император.

Александр II вступил на престол после смерти отца 19 февраля 1855 года в разгар Крымской войны. И хотя он не был виноват в разгроме русской армии, тяжесть и позор поражения ему пришлось взвалить на свои плечи. Ему же предстояло возрождать и реформировать деморализованную страну.

Царь не мог восстановить потопленный флот (запрещал Парижский мирный договор), не мог отстроить разрушенный город (не было денег). Но он хотел сделать хоть что-то, хоть какой-то символический жест, который показал бы: государство не отвернулось от Севастополя, от его священной земли.

Поэтому, спустя два года после ухода из Севастополя и Херсонеса оккупационных войск, он дал разрешение на строительство собора.

Решение царя предельно ясно: в городе, где влачили жалкое существование его защитники, многие из которых остались без рук, без ног, строить помпезный собор стыдно. Надо сначала элементарно признать искалеченных героев. А вот в Херсонесе, который был символом военной победы Руси, строить храм-памятник и уместно, и своевременно.

Проект нового собора был составлен в кратчайшие сроки. Уже 2 июня 1859 года его утвердил император.

Заказ на проект храма в память крещения св. Владимира в Херсонесе Таврическом (1859–1869, построен 1861–1876) получает известный архитектор, впоследствии – ректор Императорской академии художеств, профессор, признанный знаток византийских древностей, историк и теоретик архитектуры Давид Иванович Гримм (1823–1898).

В 1842–1848 годах в Академии художеств Д. И. Гримм учился у

А. П. Брюллова, и уже большинство его ученических работ отвечали требованиям составления проектов:

Академик архитектуры
Д. И. Гримм

«не произволом, но вкусом, образцованным посредством наблюдения и тщательного изучения изящных творений лучших веков архитектуры древних греков и римлян».

Одной из важнейших задач русских зодчих второй половины XIX века был поиск национального характера современной архитектуры. Произошло разделение русского и византийского направлений. Каждое впоследствии имело свою судьбу.

В 1855 году архитектор вернулся в Петербург из Малой Азии и Европы, где путешествовал в качестве пенсионера Академии.

На следующий год зодчий выразил желание «приступить к изданию сделанных им рисунков, которые могут принести пользу по части византийской архитектуры, развивающейся в нашем Отечестве».

Выезд Александра II 29 октября 1855 г. в сопровождении князя Горчакова из Бахчисарая в Ставрополь. «Русский художественный листок» В. Ф. Тимма

Изданный Д. И. Гриммом увраж «Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении» стал открытием для современников и научно-практическим пособием для проектирования.

А его труд, «закрывающий в себе общую теорию всех пропорций», дал основание присвоить молодому архитектору звание академика. И в дальнейшем считать его основоположником «византийского стиля» в церковном строительстве.

Храм св. Владимира – это ранний и, пожалуй, самый чистый образец так называемого «археологического» метода проектирования в русской архитектуре XIX века.

Кроме этого, следует отметить, что это ключевое произведение византийского стиля. Оно отличалось строгой достоверностью форм зодчества IX–XI веков.

Успех этого проекта доставил Д. И. Гримму в последующие десятилетия ряд интересных и ответственных заказов, в том числе и за рубежом.

Следует вспомнить часовню в Ницце, построенную на вилле Бермон, где скончался 20-летний наследник русского престола вел. кн. Николай Александрович. Заказ был поручен зодчему императором Александром II, с указанием исполнить его «в том стиле, в котором строится храм в Херсонесе», то есть в византийском стиле.

В основном главной сферой деятельности зодчего была церковная архитектура.

А вот проследить связь построек Давида Ивановича Гримма с окружением природным и архитектурным в полной мере можно только в Петербурге.

В наши дни, когда возрождается культовое зодчество, особенно актуальной становится проблема сохранения архитектурных памятников разных эпох и исторически сложившейся архитектурной среды. И вот в этой связи наследие Д. И. Гримма представляется ценной и неотъемлемой частью русской культуры.

Полезный опыт включения новых сооружений в сложившийся архитектурный контекст, в городскую среду архитектор приобрел еще в 1860-х годах, когда руководил строительством по проекту Г. А. Боссе Реформаторской церкви

на набережной Мойки (капитально перестроена в 1920 году).

Благодаря высотному венчанию Немецкая церковь на Мойке воспринималась как доминанта прилегавшего района, отмечавшая точку планировочной структуры – место, где Большая Морская улица сливается с набережной.

Проект Д. И. Гримма лег в основу Владимирского собора в Кронштадте, возведенного Х. И. Грейфаном (1875–1879).

Это тоже базиликальный храм с высокой колокольней и необычной постановкой пяти декоративных глав в плоскости восточного фасада.

Еще одна грань мастера – замечательные работы в области прикладного искусства и интерьера. В частности, для освещения Владимирского храма в 1878 году были заказаны три паникадила и два подсвечника из вызолоченной бронзы на железных цепях. Грейфан избрал рисунки академика.

Собор имел важное значение для Кронштадта, являлся полковым для всех сухопутных воинских подразделений крепости.

На равнинной местности и при общей низкоэтажной застройке храм с пятью высокими главами и 50-метровой колокольней стал важной доминантой, организующей пространственно-планировочную структуру северо-восточной части города. Главы и колокольня Владимирского храма были видны с дальних точек неевского фарватера и являлись ориентиром для морских судов. И в наше время восстановленные церковные шатры и главы можно видеть примерно с середины дамбы.

«Русский стиль» тоже занимал важное место в творчестве Гримма. Самобытные приемы и мотивы перефразированы им в церкви св. Ольги в Михайловке под Петербургом (1861–1864). Это не подражание старинной архитектуре, а создание нового образа.

Покровская церковь Егерской слободы в Гатчине (1885–1888; Круговая ул., 7; совместно с И. А. Стефаницем). Изящная гатчинская постройка, облицованная красным кирпичом и светлым камнем, увенчанная декоративным пятиглавием, и конкурсный проект храма на месте смертельного ране-

ния Александра II – выдержаны в характере «узорочной» архитектуры XVII века.

В то время Д. И. Гримм входил также в Комиссию по сооружению храма Воскресения Христова («Спаса на Крови»).

Последняя крупная работа зодчего – проект Великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости (1885–1887, доработан при участии А. И. Томишко в 1896).

Центрический объем здания завершен массивным четырехгранным куполом, восьмигранным барабаном и миниатюрной главкой. Ордерный и пропорциональный строй фасадов, мотивы барокко и живописный силуэт согласованы с Петропавловским собором, к которому ведет соединительная галерея. Вместе с тем система перекрытия на четырех пересекающихся арках восходит к средневековым сооружениям Армении. В проекте использован принцип «золотого сечения». Усыпальница возводилась уже после смерти автора проекта под руководством А. И. Томишко, а затем Л. Н. Бенуа, который внес в композицию ряд изменений (1896–1908).

Изменения архитекторов А. О. Томишко и Л. Н. Бенуа не повлияли на основу замысла. Как всегда, Д. И. Гримм выводил здесь архитектурную композицию из функции здания, определившей его простой план (следовало разместить около 100 склепов) и торжественно-строгий облик храма-мавзолея.

Мы видим, насколько усыпальница пропорционально соотносена с Петропавловским собором. Здание воспринимается как продолжение собора и уравнивает его силуэт в панораме невской акватории, а было задумано, как дополнение; настолько тонка образно-стилистическая связь с обликом Петербурга.

Великокняжеская усыпальница стала одним из лучших образцов органичного включения нового здания в историческую архитектурную среду.

Легко представить себе, какой ответственной была задача возведения ее массивного объема в сакральном центре столицы, бок о бок с шедевром Трезини. Однако, положив руку на сердце, сейчас трудно себе представить, что этого здания не видели ни Россия, ни Пушкин.

Следует отметить, что ни в одной из работ зодчий не возвращается к опыту херсонесского храма, подобно своим коллегам.

Д. И. Гримм был одним из самых авторитетных деятелей российской архитектуры своего времени, членом-учредителем Санкт-Петербургского общества архитекторов, его представителем с 1888 по 1890 год и почетным членом с 1891-го, входил в редколлегию журнала «Зодчий». Среди прочих в журнале публиковались теоретические статьи, затрагивавшие проблемы национального стиля и рациональной архитектуры.

35 лет, с 1859 по 1894 год, он преподавал в Академии художеств, был одним из ведущих профессоров.

Другие работы Д. И. Гримма в Санкт-Петербурге немногочисленны, но разноплановы.

Пятиэтажный доходный дом С. Д. Башмакова (1868–1869; наб. р. Мойки, 42 – Б. Конюшенная ул., 29) решен в характере классицистического «стиля Людовика XVI», с рустованными лопатками и разнообразными формами наличников окон.

Уместное дополнение классического облика окружающей застройки.

Гримм выполнил отделку залов библиотеки Академии художеств (1868), ряд работ для Калининской больницы и Интендантского музея.

При реконструкции Конногвардейского манежа на Исаакиевской площади (1872–1873) посреди не боковых фасадов добавлены группы дорических колонн, которые воспринимаются как элементы первоначального сооружения Д. Кваренги.

Он проектировал и новые по функции сооружения, например парки городских конно-железных дорог на Петербургской стороне и Васильевском острове (48 зданий построены в 1870-х годах).

Особое место в его творчестве занимали памятники. Первый из них – монумент Петру I в Воронеже (1858–1860, скульптор А. Е. Шварц).

В Петербурге Д. И. Гримм разработал всю архитектурную часть памятника Екатерине II (1870–1873, его помощником был В. А. Шпреттер), за что 24 ноября 1873 года

был удостоен звания тайного советника. Общий проект выполнил художник М. О. Микешин, фигуру императрицы – М. А. Чижов, статуи государственных деятелей – А. М. Опекушин. Пышный и тяжеловесный монумент на постаменте из серого полированного гранита отличается цельностью колоколообразной композиции. Обращенный к Невскому проспекту памятник поставлен посредине сквера в оптическом центре площади перед Александринским театром и своим сложным силуэтом составляет контраст ампириному ансамблю К. И. Росси. Д. И. Grimm перепланировал Екатерининский сквер.

Уникальным военным мемориалом являлась «Колонна Славы», воздвигнутая перед Троицким Измайловским собором (1885–1886; Измайловский пр., 7а) в память победы в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Колонна, увенчанная фигурой Славы работы П. И. Шварца, была составлена из пяти рядов трофейных пушек.

В обоих случаях Гримму удалось наилучшим образом рассчитать местоположение монументов относительно доминирующих сооружений – Александринского театра К. И. Росси и Троицкого собора Измайловского полка архитектора В. И. Стасова.

Скверы, окружавшие памятник Екатерине Великой и колонну Славы, Д. И. Grimm дополнил фонарями и оградами по своим рисункам, в соответствии со стилистической идеей монументов.

Итак, Гримму было поручено «составить проект для храма

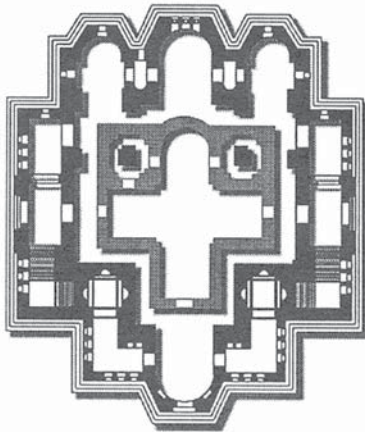
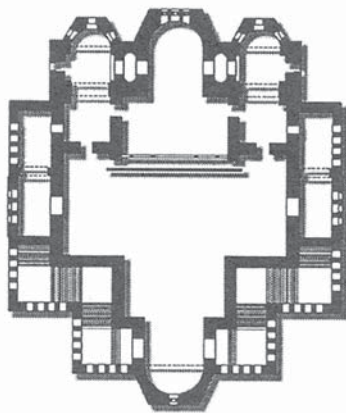
Комплекс средневековых христианских храмов на агоре в центре Херсонеса (слева – крестообразный храм № 27, над которым был воздвигнут собор св. Владимира; справа – трехнефная базилика № 28 и крестовокупольный храм № 29, остатки которых видны рядом с собором). По чертежу поручика Вяткина. 1860 г.

св. Владимира в Херсонесе с неизменным условием: чтобы при расположении храма имелось в виду

Общий вид Херсонесского монастыря с предполагаемой колокольней. Рисунок Д. И. Гримма. 1897 г.

Общий вид Херсонесского монастыря с предполагаемой колокольней. Рисунок Д. И. Гримма. 1897 г.

Планы Верхнего и Нижнего храмов Владимирского собора. В центре Нижнего храма – руины средневековой церкви. С чертежа Д. И. Гримма (1858–1859)

сохранить остатки стен древнего храма. Все размеры и формы нового храма, не исключая и двухэтажное устройство оно, определились этим требованием».

То есть поставлена определенная задача, назовем ее конструктивно-функциональной, и определенные условия заказа. Дело в том, что на предполагаемом месте для будущего строительства Владимирского собора (это подтверждают раскопки XIX века) находилось не менее шести христианских храмов. И поэтому, первое – в основе плана должен быть равноконечный крест, охватывающий очертания стен древних построек (в Императорской археологической комиссии эти постройки были зафиксированы под № 29, 28; 27; № 27 – крестовидная в плане). Второе – собор должен полностью воспроизводить черты восточно-византийской архитектуры IX–XI веков.

Третье – должен быть органично и обоснованно включен в современную постройку (монастырскую. – И. Д.)

Д. И. Grimm великолепно справился с заданием, предложив план выдержанного в византийском стиле грандиозного двухэтажного здания в виде креста, увенчанного шлемовидным куполом на высоком барабане.

Наружный фасад и план церкви были заимствованы с Константинопольской церкви св. Сергия и Вакха, обращенной турками в мечеть.

Проект храма св. Владимира, показанный на академической выставке 1860 года, произвел на со-

временников глубокое впечатление. Чертежи Д. И. Гримма неоднократно публиковали различные печатные издания. Их демонстрировали на выставках. Изображения храма украсили стены архитектурного класса Академии художеств, которая присвоила тогда Гримму звание профессора.

В старину соборы строили намного быстрее. Например, величайший и крупнейший храм православия – Софию Константинопольскую возвели всего за пять лет: с 532 по 537 год.

Умели быстро строить и древние русичи: София Новгородская была возведена (кстати, не исключено, что при помощи херсонесских зодчих) за такой же срок с 1045 по 1050 год.

Но были и обратные примеры: собор Парижской Богоматери – в течение 97 лет (с 1163 по 1257 год); Исаакиевский собор в Петербурге возводили 40 лет.

На возведение здания Владимирского собора в Херсонесе потребовалось 15 лет.

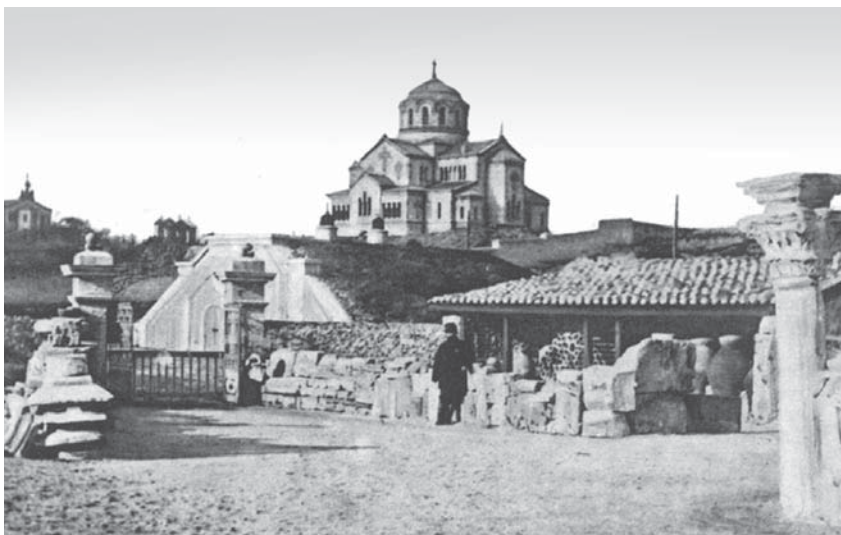
Владимирский собор в Севастополе возводился гораздо дольше – 34 года: с 1854 по 1888 год и, так же как и его херсонесский «брат», с большими перерывами.

Но даже тогда, когда только составлялись планы возведения собора, все участники строительства, в том числе и Церковь, прекрасно понимали, что определенные для поклонения места носят символический характер. И не столь важно, в этом ли храме или в другом крестился великий князь. Важно, что есть где вспомнить, где поклониться этому великому человеку и осознать то значение, которое имело для нашей страны ее приобщение к христианству.

Уже в 1912 году известный крымский краевед, автор одного из первых путеводителей по Херсонесу Е. Э. Иванов писал: «...пусть эти остатки не место крещения, погребальная яма – ни купель, ни крещальня. Никто на этом никогда не настаивал, и при выборе места для собора руководствовались не столько убеждением, что это именно дорогие остатки, сколько красотой и удобством положения места. Развалины церкви избирались не как подлинное место крещения Владимира, а как память

Владимирский собор.
Проект главного фасада.
С чертежа Д. И. Гримма (1858–1859)

Херсонесский монастырь.
Вид с раскопок

этого события. Но эти остатки все сколок дорогой старины; они живо, наглядно напоминают о далеком былом, невольно переносят мысль зрителя к самому моменту великого события.

Они – увядший цветок с дорогой нам могилы; но сухой цветочек связывает с дорогим прошлым... Итак, пусть эти стены... остаются на своих местах, тем более, что если нельзя утверждать, что именно здесь крестился Владимир, то нельзя также утверждать, что и не здесь».

Таким образом, место для строительства собора было выбрано символично. Все, кто был причастен к принятию решения, прекрасно это осознавали, и никто никого не обманывал.

18 августа 1859 года была создана отдельная комиссия для надзора за строительством собора. Она работала 13 лет.

Еще не началось строительство собора, а комиссия уже занялась оформлением интерьеров и изготовлением иконостасов.

Д. И. Гримм спроектировал их мраморными. Предполагалось, что заниматься их изготовлением будет Министерство императорского двора, которое ведало мраморными и гранитными заводами. Но заказ выполнили за границей.

В то время автор проекта Д. И. Гримм, работавший в Петербурге, не мог наблюдать за ходом строительства и подыскал себе замену.

В письме от 30 июля 1860 года вице-президент Академии худо-

жеств князь Г. Гагарин сообщил настоятелю монастыря отцу Евгению, что на должность руководителя строительства рекомендуется архитектор Антонов.

Судьбоносный для России 1861 год – отмена крепостного права. Этот перелом по значению для страны можно сравнить разве что с крещением Руси.

Возможно, у Александра II, получившего прозвище «Освободитель» (у Владимира было прозвище «Креститель»), были примерно такие же ассоциации.

Поэтому он решил непременно принять участие в закладке памятника в Херсонесе. 18 марта 1861 года утвердил он «определение» Священного Синода о придании киновии статуса первоклассного монастыря.

*(окончание
в следующем номере)*